

И.В. Быстрова

**ЛОРД БИВЕРБРУК И МОСКОВСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ ПО СНАБЖЕНИЮ ОСЕНЬЮ 1941 г.**

I.V. Bystrova

**LORD BEAVERBROOK AND MOSCOW
SUPPLY CONFERENCE IN AUTUMN 1941**

Аннотация. Впервые в отечественной историографии на основе документов из фонда лорда Бивербрука под названием «Московский нарратив» из парламентского архива Великобритании показана деятельность главы британской миссии на Московской конференции по снабжению (сентябрь 1941 г.) лорда Бивербрука. Лорд Бивербрук был личным другом премьер-министра Уинстона Черчилля, он получил от британского правительства обширные полномочия по выдвижению предложений, обсуждению и подписанию Протокола по линии британской помощи СССР. Тема эта в отечественной и даже зарубежной историографии является относительно мало изученной, хотя значение Московской конференции по снабжению для формирования антигитлеровской коалиции исключительно велико. В ходе конференции союзники максимально шли навстречу заявкам СССР. Принципиально важным было заявление лорда Бивербрука о том, что Британия готова отказаться от доли американской помощи в количествах, требуемых России. Записи лорда Бивербрука показывают его впечатления от поведения И.В. Сталина, изменения атмосферы встреч союзников, что не зафиксировано в официальном протоколе советской стороны. По выражению Бивербрука, предвзялая Сталину список возможных поставок, англичане и американцы развивали тактику в форме «кумулятивного эффекта», т.е. часто шли на уступки, соглашаясь поставить те или иные товары, затем следовали списки товаров, которые не могли быть «уступлены» и далее длинный список материалов, которые они соглашались поставить. В результате свою задачу они выполнили, советская сторона осталась довольна, и создалось настроение, которое лорд Бивербрук назвал «солнце после дождя». В ходе встреч между союзниками был установлен доверительный личный контакт. Руководитель американской делегации У.А. Гарриман высоко оценил работу

Быстрова Ирина Владимировна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета

Bystrova Irina Vladimirovna, Doctor in History, Chief Research Fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Professor, Russian State University for the Humanities

+7-903-191-36-91; irin-bystrova1@yandex.ru

лорда Бивербрука. В результате переговоров был подписан Московский протокол, который дал старт программе ленд-лиза для СССР. В первый год войны Великобритания передала СССР почти всё, что ей поставляли по ленд-лизу американцы, и сделала максимум возможного для выполнения своих обязательств по поставкам в СССР.

Ключевые слова: советско-английские отношения, Московская конференция 1941 г., ленд-лиз, Московский протокол, британская делегация, кумулятивный эффект, Уинстон Черчилль.

Abstract. For the first time in Russian historiography the article uses documents from Lord Beaverbrook's fund under the title "Moscow Narrative" from the parliamentary archives of Great Britain to demonstrate the activities of Lord Beaverbrook, the head of the British mission at the Moscow supply conference (1941). Lord Beaverbrook was Prime Minister, Winston Churchill's confidant and was given extensive authority by the British government to propose, negotiate and sign a protocol on the British aid to the USSR. In domestic and even foreign historiography, this topic is relatively little studied, although in the framework of the formation of the anti-Hitler coalition the significance of the Moscow supply conference is extremely considerable. During the conference, the allies made all possible efforts to meet the requirements of the USSR. Of fundamental importance was the statement of Lord Beaverbrook that Britain was ready to forego the portion of American aid equivalent to the one required by Russia. Lord Beaverbrook's notes show his impressions of Stalin and the changes in the atmosphere of the meetings of the allies, which is not recorded in the official protocol of the Soviet side. According to Beaverbrook, when the British and Americans presented to Stalin a list of possible supplies, they adopted the tactic of a "cumulative effect", that is, they often made concessions, agreeing to supply certain goods, then included the lists of goods that could not be "conceded" and eventually provided a long list of materials they agreed to supply. As a result, they accomplished their task. The negotiations resulted in satisfaction on the Soviet side, and in an atmosphere, which Lord Beaverbrook called "sun after rain". During the meetings, a confidential personal contact was established between the allies. Head of the American delegation W.A. Harriman praised Lord Beaverbrook's work. As a result of the negotiations, the Moscow Protocol was signed, which launched the Lend-Lease Program for the USSR. In the first year of the war, Great Britain handed over to the USSR almost everything that the Americans supplied to it under Lend-Lease, and did its best to fulfill its obligations on deliveries to the USSR.

Keywords: Soviet-British relations, Moscow Conference 1941, Lend-Lease, Moscow Protocol, British delegation, cumulative effect, Winston Churchill.

* * *

Из послания У. Черчилля И.В. Сталину от 20 июля 1944 г.: «В своей телеграмме от 8 мая Вы говорили о некоторых знаках отличия, которыми Вы наградите лиц и офицеров, причастных к арктическим конвоям. Я долго не отвечал на это потому, что мне пришлось сделать некоторые запросы. Я рекомендовал бы наградить лорда Би-

вербрука тем же орденом, который Вы имели в виду для г-на Литлттона. Он был первым, кто указал нам на необходимость организации конвоев, и только главным образом благодаря его энергии не было потеряно еще несколько месяцев. Он прибыл к вам с миссией в самом начале, и я уверен, что он будет весьма польщен тем, что получит русский орден. Поэтому оба эти министра будут горды принять награду. Имеются некоторые люди, которые проделали полезную работу в низовых звеньях. Но я не хочу злоупотреблять Вашей любезностью в отношении их, если Вы не сочтете себя расположенным отметить некоторых лиц более низкого ранга. Они делают большую работу и очень часто не бывают отмеченными»¹.

Из послания И.В. Сталина У. Черчиллю от 26 июля 1944 г.: «Я полностью согласен с Вами в отношении награждения, кроме г-на Литлттона, и лорда Бивербрука, так много содействовавшего успеху организации конвоев и действительно достойного высокой награды. Советское Правительство поддержит перед Верховным Советом награждение лорда Бивербрука и г-на Литлттона орденом Суворова I степени. Советское Правительство разделяет также лиц из низовых звеньев, отличившихся в организации и проводке конвоев, и для этого определило сто двадцать орденов и пятьдесят медалей. Конкретное сообщение об этом будет сделано по дипломатической линии»².

Эйткен, Уильям Максуэлл, 1-й барон Бивербрук (1879–1964), газетный магнат, предприниматель и меценат, был одним из близких друзей Уинстона Черчилля. В 1940–1941 г. Бивербрук занимал пост министра авиационной промышленности в Военном кабинете Черчилля, в 1941–1942 гг. — министра снабжения, в 1943–1945 гг. — Лорда-хранителя Малой печати.

Лорд Бивербрук был человеком неукротимой энергии, и не случайно премьер-министр доверил ему налаживание в Великобритании военного производства, а затем — организацию помощи СССР в начале Великой Отечественной войны. О его характере и заслугах писал в своих воспоминаниях посол СССР в Великобритании в 1939–1943 гг. И.М. Майский: «В ожидании жестокой воздушной войны с Германией, британскому правительству нужно было во что бы то ни стало быстро наладить серийное производство минимального числа типов самолетов — истребителей, бомбардировщиков, разведчиков и т.д. Требовалась радикальная реорганизация авиационной

¹ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. 1944–1945 / Министерство иностранных дел СССР. М.: Политиздат, 1983. С. 131–132.

² Там же. С. 134.

промышленности, закрытие одних и расширение других предприятий... полная перекройка всех их планов и намерений. Это была очень трудная задача, и Черчилль не случайно поручил ее разрешению лорду Бивербруку — человеку огромной энергии и инициативы, а сверх того, могущественному газетному королю, который никого не боялся. Бивербрук оправдал ожидания Черчилля. Он действительно совершил революцию в деле английского авиастроения... Если Англия осенью 1940 г. благополучно пережила воздушный «блиц», который на нее обрушил Гитлер, если британская авиация сумела тогда отразить нацистское наступление, то это далеко не в последней степени было заслугой Бивербрука»³.

После нападения Гитлера на СССР лорд Бивербрук горячо поддерживал курс У. Черчилля на оказания всемерной помощи Советскому Союзу, принял активное участие во «втягивании» в эту помощь американцев, которые оказывали Великобритании помощь по программе ленд-лиза с 11 марта 1941 г. В ходе подготовки к конференции по снабжению в Москве лорд Бивербрук по поручению Черчилля провел конференцию с американцами, по итогам которой составил отчет от 18 сентября 1941 г., доложенный им на заседании Комитета обороны (по операциям) (Defence Committee (Operations) Военного кабинета Великобритании 19 сентября. В своем отчете Лорд Бивербрук сформулировал несколько итоговых «общих выводов»: «а) Обещание 400 самолетов и 500 танков в месяц с октября 1941 г. по июнь 1942 г., которому привержены Соединенные Штаты Америки и мы, может быть выполнено путем жертвы. Эта жертва выпадет почти целиком нам;

б) Кроме танков и самолетов, специальные предложения, которые мы должны сделать сами русским на Московской конференции, не были прописаны. Я просил Комитет обороны дать мне право делать такие предложения в Москве после того, как у меня сложится мнение о ситуации в России»⁴.

Лорд Бивербрук всесторонне аргументировал и обосновал свою позицию как главного представителя Великобритании на конференции по снабжению в Москве: если «мы не сделаем русским конкретных и значительных предложений, то они не смогут продолжать сражаться. Может так случиться, что ход войны или ограничения транспорта не позволят нам осуществить эти предложения пол-

³ Майский И.М. Воспоминания советского посла. Война 1939–1943. М.: Наука, 1965. С. 64–65.

⁴ The National Archives. CAB 6913. D.O. (41) 11. 22 September, 1941. List 43 (reverse side).

ностью, но он не думал, что сможет сделать что-нибудь полезное в России, если он не будет располагать предложениями действительно заманчивых масштабов. Более того, он был убежден, что мы могли бы, вложив в это дело всю нашу энергию, очень существенно увеличить наш сегодняшний производственный план, и что это стоило бы сделать, даже к какой-то мере за счет мощи наших собственных сил, если таким путем мы могли бы поддержать русских в боеспособном состоянии».

Таким образом, лорд Бивербрук снова выступил как самый горячий сторонник оказания все возрастающей военной помощи СССР.

Черчилль же занял более осторожную позицию, предлагая давать реальные обещания на короткий срок, а не забегать вперед. Он в частности отметил, что лорду Бивербруку поручена сложная задача.

Черчилль не был бы Черчиллем, если бы не высказал в заключении обсуждения концептуальные вещи по вопросам помощи России. Он подчеркнул, что «русские имеют огромную армию и, предположительно, очень большой выпуск военного оборудования. Все, что мы можем предложить, станет каплей в море, хотя с нашей стороны это может оказаться большой жертвой. Он никогда не согласится с каким-либо предложением, которое ведет к сокращению размеров нашей Армии ниже ее настоящего уровня. Мы не можем построить здесь новые заводы, и русским надо рассматривать Соединенные Штаты Америки как источник крупных долгосрочных контрактов. Не мы, а Америка, должна будет стать арсеналом для Русской Армии»⁵.

После небольшого перерыва в работе Комитета Черчилль зачитал на возобновленном заседании проект заявления (который он назвал инструкцией для лорда Бивербрука), утвержденный Комитетом обороны.

Таким образом, лорд Бивербрук был подготовлен к своей исторической миссии — возглавить британскую делегацию и повести переговоры на Московской конференции по снабжению.

Лорд Бивербрук проявлял чрезвычайную активность в подготовке поездки союзников в Москву и пропаганде необходимости военной помощи СССР. В частности, он стал инициатором проведения в Великобритании во время визита англо-американской миссии в Москву «недели танков для России» (22–28 сентября 1941 г.). О событиях этой недели писала британская газета «Манчестер Гардиан»: рабочие танкового завода в Мидленде «обязались побить все

⁵ The National Archives. CAB 6912. DO (41) 62, 19 September 1941. List 358.

существовавшие до сих пор рекорды ради помощи нашим друзьям в России»⁶.

Бивербрук и Гарриман во главе британской и американской миссий отплыли на крейсере «Лондон» из британского порта Скапа Флоу. В устье Двины они пересели на русский эсминец, на котором проследовали до Архангельска. В Москву летели из Архангельска на четырех советских самолетах.

Впечатления от полета в Москву лорда Бивербрука были самые яркие и необычные, отражающие «фронтовую» обстановку в СССР. В своих неопубликованных заметках к готовившейся (но не состоявшейся) речи, часть которой вошла в его выступление по радио в Нью-Йорке 23 апреля 1942 г., он планировал рассказать американской аудитории следующее: «Именно прошлой осенью британцы и американцы послали свои миссии в Москву для того, чтобы договориться с русскими о поставках им танков, самолетов, пушек и других военных материалов. Там были мистер Гарриман, адмирал Стэндли, мистер Батт и еще несколько ваших соотечественников.

Мы прибыли в порт Архангельск. И потом мы все вместе предприняли ... путешествие на русских самолетах в Москву.

Это был один длинный взлет. Тысячи миль взлета. Поскольку правила предусматривали, что мы все время должны лететь на высоте двухсот футов. Эта высота была выбрана, чтобы защитить русских от внезапных атак на Москву германских самолетов, замаскированных под дружественные самолеты. Все самолеты, летящие на большей высоте, сразу обстреливались.

И так мы летели, пока погода не стала настолько плохой, что пилот из сочувствия к тем, кто страдал от укачивания, нарушил приказ и поднялся на высоту 500 футов от земли.

Но наземные силы не предусматривали укачивание в самолете. Поэтому когда зенитчики внешнего кольца обороны Москвы увидели несколько самолетов, приближающихся на высоте пятисот футов вместо двухсот, и они увидели еще и группу истребителей, образовавших зонтик над теми, что выглядели как бомбардировщики, они, естественно, стали в нас стрелять.

Наша группа в составе четырех транспортных самолетов нырнула вниз — а «зонтик» из истребителей резко пошел вверх.

На полной скорости, как раз по верхушкам деревьев... мы совершили наш, так сказать, побег. И я должен вам сказать, что это было новым острым ощущением в жизни — лететь среди верхушек

⁶ Цит. по: *Майский И.М.* Дневник дипломата, Лондон, 1934–1943 гг. В двух кн. Кн. 2. 22 июня 1941–1943 год. М., 2009. С. 342.

деревьев, максимально близко, почти срезая листья, на полной скорости самолета.

Через полчаса мы прибыли на аэродром. И я сразу послал телеграмму Черчиллю. Я сказал ему: “Этим людям не нужны зенитные пушки. Их у них слишком много”⁷.

Лидеров миссий Бивербрука и Гарримана как самых важных гостей поселили в отеле «Националь», расположенном в самом сердце Москвы, напротив Кремля. Ситуация была чрезвычайная, и Сталин пожелал принять гостей сразу после прибытия. Первая встреча началась в Кремле в воскресенье 28 сентября в 7 часов вечера и закончилась в 10.10 (согласно подробной записи содержания беседы в «меморандуме» У.А. Гарримана). У. Бивербрук также делал свои записи, отложившиеся в Парламентском архиве Великобритании под названием «Московский нарратив». Кроме Сталина, Бивербрука и Гарримана на встрече присутствовали В.М. Молотов и бывший нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов.

Известный дипломат, которого знали оба руководителя миссий союзников, предстал в необычной роли переводчика (об этом попросили и Бивербрук, и Гарриман). М.М. Литвинов выглядел на первой встрече, по воспоминаниям лорда, как будто его где-то срочно «откопали» — потрепанным, в поношенной одежде и дырявых ботинках. Но лидеры миссий союзников были с ним уверены в точности перевода, что было чрезвычайно важным фактором при установлении контакта со Сталиным.

И Гарриман, и Бивербрук записали в своих заметках ключевые цифры: потребность СССР в танках составляла в то время, по словам Сталина, 2500 танков в месяц, из которых 1400 производилось в СССР, а оставшиеся 1100 он хотел получить от Великобритании и США⁸.

Гарриман упомянул о встрече Сталина со специальным представителем президента США Г. Гопкинсом, где фигурировали более крупные цифры. Сталин отметил, что советскую сторону уже обвинили в том, что она запрашивала «астрономические количества» танков, и поэтому он ограничил заявку до минимума — 500 танков в месяц.

В своих заметках Бивербрук отметил важный вопрос, который с самого начала задал позитивную перспективу переговорам: «Гарриман сделал более чем щедрое заявление, объявив, что американская помощь России может стать возможной, только если Великобрита-

⁷ Parliamentary Archive. BBK/F/47. List 5.

⁸ Parliamentary Archive. BBK /D/100: The Moscow Narrative. Memorandum by Hariman of Meeting, September 28, 1941. List 19; Beaverbrook. September 28, 1941. List 27.

ния откажется (в пользу СССР. — *И.Б.*) от американской продукции, уже обещанной мистеру Черчиллю.

В этот момент Сталин продемонстрировал ощущение безнадежности, но немедленно изменил свое настроение, когда я провозгласил, что Британия была бы готова отказаться от доли американской помощи в количествах, требуемых России»⁹.

Гарриман в своих записях делает больший упор на значение жертвы Англии в пользу России, чем Бивербрук: «Я сделал упор на том факте, что ... ранее установлено, что большая часть того, что мы собираемся дать России, иначе пошло бы Англии. Это изменение будет произведено с полного согласия Англии, и поэтому он (Сталин. — *И.Б.*) должен понять, что британцы идут на значительную жертву в этом отношении»¹⁰.

И это было действительно так, ибо без жертвы со стороны Англии США не смогли бы предоставить СССР помощь в первые месяцы войны.

Как ожидалось, вопросы о путях доставки вызвали разногласия. К примеру, Бивербрук отметил: «Я сказал Сталину, что мы посылаем 300 локомотивов, 2000 железнодорожных вагонов, 1000 8-тонных грузовиков и 2500 3-тонных грузовиков в Иран.

Сталин сказал, что железная дорога не может перевозить грузы, но можно развить сообщение по дорогам.

Он не проявляет большого интереса к ситуации в Персии, говоря, что на Кавказе нет войны, очевидно имея в виду, что транспортровка с Кавказа недостижима.

Сталин объявил, что Архангельск будет открыт (для навигации. — *И.Б.*) круглый год, и что это порт подходящий для Великобритании».

Гарриман также подтверждает, что Сталин не проявил интереса к персидскому пути, но был рад слышать о планах улучшения персидской железной дороги. И добавил, что «30 и более поездов в день можно отправлять по транссибирской дороге в оба конца, но там всегда сохраняется японская угроза».

По вопросу об участии британских войск в военных действиях в России Сталин отвечал: «На Кавказе нет войны. Украина — вот подходящее место для британских войск». По мнению Бивербрука, «самым сложным вопросом со Сталиным был западный фронт сражений. Он продолжал делать упор на Архангельск и Украину»¹¹.

⁹ Ibid. Note by Beaverbrook. September 28, 1941. List 28.

¹⁰ Ibid. Supplement to Memorandum by Harriman of Meeting..., September 28, 1941. List 24.

¹¹ Ibid. Note by Beaverbrook. September 28, 1941. List 29.

По словам Гарримана, договорились, что «конференция будет разделена на шесть подкомиссий как можно скорее. Было договорено, что мы встретимся снова со Сталиным завтра (в понедельник) вечером в семь часов, но комиссии должны были получить столько информации, сколько им требовалось для отработки деталей проблем. Общие решения должны были приниматься Сталиным, Бивербруком и мной»¹².

В целом по итогам первой встречи Гарриман заключил, что они с Бивербруком остались довольны очень дружелюбным характером встречи, которая продлилась три часа. Небольшое примечание отразило недостаточно внимательное обслуживание гостей в первый вечер: «Чай накрыли около 8 часов вечера с кексами посреди стола. Бивербрук сказал, что он очень голоден, но поскольку кексы ему не предложили, он их не взял, а съел кусок сахара, который ему предложили вместо этого».

«Московская конференция трех держав» официально открылась 29 сентября официальной речью наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова с приветствием от лица советского правительства. Форма обращения демонстрировала особое уважение в адрес руководителя британской миссии, который был назван первым и удостоился высокой оценки: «Мы с особым удовольствием приветствуем присутствие среди нас Главы Британской Делегации лорда Бивербрука, известного своим выдающимся участием в организации отпора гитлеровской Германии, и господина Гарримана, которого мы хорошо знаем, и участие которого в нашей теперешней общей работе будет исключительно полезным»¹³.

На следующей встрече со Сталиным в Кремле 29 сентября, в 7 часов вечера, выступавший в роли переводчика Литвинов был безукоризненно, с иголки одет, однако Сталин поначалу вел себя очень нервно и остро реагировал на заявления, в особенности Бивербрука. Как в записях беседы с советской стороны, так и в заметках Гарримана и Бивербрука отмечен отказ Сталина выступать на конференции. За прошедший день напряженной работы представители союзников успели обсудить и «обкатать» запросы Сталина, высказанные им накануне. Большую часть беседы заняло обсуждение количественных и технических параметров возможных поставок вооружений, при этом Сталин демонстрировал детальное знание параметров и боевых характеристик нужной СССР техники, исхо-

¹² Ibid. List 25.

¹³ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 06. Оп. 3. Д. 434. Л. 1.

дя из реального опыта сражений на советско-германском фронте в первые месяцы войны.

Во время встречи 29 сентября по поводу обсуждавшейся накануне поставки танков Бивербрук заявил, что «с помощью Америки мы сможем доставлять 500 танков, из них не больше 50 % легких танков, а остальные тяжелые».

Согласно заметкам Бивербрука, когда Сталину сказали, что 500 танков — это максимум, он ответил, что хотел бы получить больше, «но это, как оказалось, было проявлением его желания в отношении всего»¹⁴.

Согласно советской записи, на вопрос Сталина, нельзя ли увеличить количество поставляемых танков, Бивербрук пояснил, что «сейчас речь идет о снабжении в течение ближайших восьми месяцев. После этого мы сможем давать и больше. Мы в своем предложении дошли до предела возможностей». По вопросу доставки он напомнил, что «необходимо будет держать Архангельский порт открытым».

Гарриман поинтересовался, каким маршрутом лучше посылать американские танки — в Архангельск, Владивосток или через Иран. Ответ Сталина был естественен и предсказуем: «В Архангельск, поближе к фронту». На замечание Бивербрука, что в архангельском порту «очень мало кранов» Сталин ответил, что «число кранов может быть увеличено»¹⁵.

По второй ключевой поставке — самолетам — диалог со Сталиным практически все время вел Бивербрук, Гарриман почти не вмешивался. Вопрос о поставках американских самолетов обсуждался отдельно, что нашло отражение в записях «Московского нарратива».

Согласно советской записи, министр снабжения обещал «посылать из Великобритании по 200 истребителей в месяц в течение восьми месяцев и большее количество после этого». По типам самолетов и способам их доставки Бивербрук отметил: «Если мы не согласимся внести какие-либо изменения в типы истребителей, мы намерены посылать “Харрикейны”, “Спитфайры” или другие типы. Придется посылать их морским путем в Архангельск (воздухом посылать их невозможно), конечно, в разобранном виде».

Архивные записи «Московского нарратива» свидетельствуют, что Бивербрук специально готовился к каждому заседанию. В частности в разделе «заметки на завтра (29 сентября 1941 г.)» содержатся

¹⁴ Parliamentary archive. BBK /D/100: The Moscow Narrative. Beaverbrook. September 29, 1941. List 33.

¹⁵ Ржевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004. С. 16.

параметры различных типов вооружений, которые должны были обсуждаться. По вопросу «“Харрикейны” для России» он записал себе, что «Русские никак не решат, куда они хотят направить новые “Харрикейны”, и поэтому может выйти задержка.

А. В. М. Коллиер спрашивал уже шесть раз с начала этого месяца, но ответа не получил»¹⁶.

Согласно записи беседы с советской стороны (в данном вопросе почти идентичной записям из «Московского нарратива») Сталин забросал собеседника неожиданными вопросами в напряженном ритме, и не на все Бивербрук смог сразу ответить, несмотря на свой большой и удачный практический опыт в развитии авиационной промышленности Великобритании в первый год войны с Германией (например, каков точный вес самолетов «Харрикейн» и «Спитфайер»).

Обмен цифрами напоминал своего рода «перестрелку». Конкретные данные вызвали удивление у Гарримана, который только один раз вмешался в обсуждение поставок самолетов, чтобы заявить об этом. Удивление по поводу огромного расхода патронов и короткого срока «жизни» самолетов показывало пропасть между истекающей кровью страной, уже несколько месяцев ведшей ожесточенные бои на своей территории, и страной, пока в войну даже не вступившей. У представителя воевавшей уже более года Великобритании лорда Бивербрука удивления эти цифры не вызвали. Проявлялось только стремление «сэкономить» и не посылать «лишних» боеприпасов.

В своих записях Бивербрук указывал, что «разговор о снабжении боеприпасами продолжался очень долго, и казалось, что Сталин относился сверх-критически к недостаткам в поставках боеприпасов для “Томагавков”»¹⁷.

Далее очень плотно и напряженно обсудили вопрос о снабжении самолетов боезапасом — проблема, ставшая одной из острых в ходе дальнейшего практического сотрудничества союзников (как и проблема снабжения поставляемой техники запасными частями).

Впечатления Бивербрука о поведении Сталина в тот день свидетельствуют о накаленной атмосфере встречи, что не зафиксировано в официальном протоколе советской стороны: «Сталин вел себя очень беспокойно, постоянно ходил вокруг и курил, и, как казалось нам обоим, находился в чрезвычайном напряжении.

¹⁶ Parliamentary archive. BBK /D/100: The Moscow Narrative. Beaverbrook. Notes for tomorrow. September 29, 1941. List 32.

¹⁷ Ibid. List 34.

Он задавал много вопросов о весе самолета, типе двигателя, мощности в лошадиных силах. Но ни слова о количестве пушек или их типе.

По мнению и моему, и мистера Гарримана, в этот раз он в какой-то степени капризничал, задавая вопросы».

США помогли Великобритании, чтобы сделать возможным для англичан отправлять по 200 самолетов в месяц. Но кроме этого, американцы взяли на себя обязательства поставить еще 1800 самолетов в течение ближайших 9 месяцев. Лорд Бивербрук подчеркнул, что «этот период в 9 месяцев отличался от периода в 8 месяцев, который определил лорд Бивербрук, когда обсуждались британские самолеты»¹⁸.

В изложении Бивербрука, по вопросу о самолетах состоялась дискуссия: «Сталин заявил, что он хочет $\frac{3}{4}$ бомбардировщиков и $\frac{1}{4}$ истребителей. Мы выразили удивление, поскольку в предшествующий вечер он сказал, что хочет $\frac{3}{4}$ истребителей и $\frac{1}{4}$ бомбардировщиков». И это правда было так, что было зафиксировано в официальной советской записи беседы от 28 сентября.

Лорд Бивербрук тогда сказал, что главная цель — это «дать ему такие воздушные силы, какие ему нужно». Здесь Сталин вдруг сказал, что он полностью удовлетворится соотношением 3 истребителя на 1 бомбардировщик и прекратил эту дискуссию.

Британская версия содержит гораздо больше подробностей относительно того, как закончилась беседа: «В ходе обсуждения Сталин говорил нам, что он должен будет уйти в девять часов. В этот момент Гарриман и лорд Бивербрук снова остановились и заявили, что они готовы продолжать, и что вопросы сырья все еще нужно обсудить.

Тогда Сталин предложил, чтобы обсуждение вопросов сырья продолжалось сразу, там же и тогда же, в его отсутствие, и чтобы обсуждение продолжил Микоян. Бивербрук сказал, что это не будет удобно, поскольку эта проблема должна быть улажена окончательно, а это, как казалось, было подвластно мистеру Сталину. Было очевидно, что только он один мог сказать последнее слово. Тогда Сталин, не колеблясь, предложил встретиться снова в 6 или 7 часов во вторник, по выбору мистера Гарримана и лорда Бивербрука.

Выбрали 6 часов.

Так закончилась вторая беседа»¹⁹.

В ход конференции «вклинилось» мощное наступление немецких войск. Напомним, что 30 сентября 1941 г. фашистская Германия

¹⁸ Ibid. List 35.

¹⁹ Ibid. List 39.

начала операцию «Тайфун», целью которой был захват Москвы уже к середине ноября.

Во время встречи в Кремле 30 сентября Гарриман зачитал, а затем вручил Сталину записку на английском языке с ответами «британской и американской делегаций по отдельным пунктам нашего списка заявок, предварительно зачитав эту записку». По записи Гарримана, «я объяснил, что мы пройдем по списку из семидесяти запросов, которые были поданы в наши подкомиссии» и затем передал Литвинову наши ответы на семьдесят пунктов списка заявок на снабжение, которые были переданы нам на конференции в понедельник»²⁰.

Записи Бивербрука о ходе беседы 30 сентября носят более живой характер, отражают настроение, которое царило на ней. Он отметил, что Сталин начал разговор весьма приветливо, осведомившись о результатах работы в комиссиях (согласно записи беседы, сделанной Гарриманом, на вопрос о работе комиссий Бивербрук ответил: «Отлично, отлично»²¹).

Гарриман зачитал список возможных поставок Советскому Союзу из США и Великобритании.

По выражению Бивербрука, предъявляя этот список Сталину, «мы развивали нашу тактику в форме кумулятивного эффекта. То есть мы наращивали уступки, на которые мы могли идти время от времени, и затем следовали списки товаров, которые не могли быть «уступлены». Затем следовал длинный список материалов, которые мы были согласны поставить.

В какой-то момент, задолго до того, как список был закончен, я спросил Сталина, был ли он доволен.

Сталин ответил, что он воспринял список с энтузиазмом.

Вскоре после этого, переводчик Литвинов вскочил со своего места и вскричал со страстью: «Теперь мы выиграем войну!».

Когда мы закончили чтение списка, создалась атмосфера высшей степени удовлетворенности и взаимного удовольствия. Собрание приобрело форму более близких и даже интимных отношений»²².

Гарриман в своей записи также отметил возраставшее чувство удовлетворения со стороны Сталина: «По мере того, как мы продвигались, и Бивербрук увидел возраставшее удовлетворение Сталина, он спросил Сталина со смехом: «Вы довольны?». Сталин улыбнулся и кивнул, выражая удовлетворение».

²⁰ Parliamentary archive. BBK /D/100: The Moscow Narrative. Memorandum by Mr. Harriman with M. Stalin, Tuesday night, September 30, 1941. List 49.

²¹ Ibid. List 49.

²² Ibid. Beaverbrook. September 29, 1941. List 44.

Складывается впечатление, что Сталин отдавал предпочтение американцам. Гарриман предложил оставить специального представителя со штатом помощников для координации работы по поставкам с советским правительством, заявив, что он сам вел подобную работу в Лондоне, и это было очень полезно. Сталин счел это предложение очень полезным. Реакция Бивербрука была, по мнению Гарримана, тоже положительной, но тут не обошлось без двусмысленности. Когда Гарриман сказал, что с удовольствием вернулся бы сам, если его присутствие было бы полезным, Бивербрук шепотом произнес: «А я — нет»²³.

Как это часто случалось в беседах между советским руководством и представителями союзников, после обсуждения основного вопроса разговор перешел на личные, дипломатические вопросы и «общеполитические» проблемы. Например, в деталях обсудили личности послов. Сталин жестко раскритиковал американского посла, сказав, что тот распространял пораженческие слухи и настроения и даже приготовился к эвакуации раньше, чем это было бы необходимо, что он неуважительно относился к советскому правительству и не верил в победу над врагом.

К этому моменту личный контакт между участниками беседы был уже, безусловно, налажен. По словам Гарримана, «разговор был откровенным, неформальным и в шутовском тоне». Бивербрук сделал заметки, как и в прошлой беседе, о поведении Сталина. Например, в то время, когда переводчик озвучивал слова вождя на английском языке, «Сталин был занят тем, что рисовал на бумаге бесчисленные изображения волков и раскрашивал фон красным карандашом».

Знаком расположения хозяина приема стало то, что он распорядился принести еду и напитки. По словам Бивербрука, «это был первый раз, когда нам принесли еду во время конференции. Это был, очевидно, результат его радостного возбуждения».

Гарриман высказался в пользу развития личных контактов между Рузвельтом, Черчиллем и Сталиным и через переписку, и через личные встречи. По его записи, Бивербрук сказал Сталину «Почему вы не попросите Черчилля приехать и встретиться с вами?», Сталин спросил: «А он приедет?». Бивербрук ответил: «Он мог бы, если вы его попросите»²⁴.

Сталин спросил Бивербрука о Р. Гессе (кстати, Бивербрук лично встречался с прилетевшим в Англию представителем Третьего рей-

²³ Ibid. List 51.

²⁴ Ibid. List 53.

ха, протокол беседы также содержится в парламентском архиве). Он заявил, что, по мнению немецкого посла, Гесс был сумасшедшим. Бивербрук ответил, что, по его мнению, Гесс не был сумасшедшим. По мнению Гарримана, Сталин «очень заинтересовался веселым рассказом Бивербрука о беседе с Гессом и его оценкой ситуации. Сталин указал, что хотя Гесс приехал не по просьбе Гитлера, но с ведома Гитлера, с чем Бивербрук согласился.

Цепь рассуждений Бивербрука заключалась в том, что Гесс приехал, думая, что небольшая группа аристократов из числа противников правительства Черчилля может заключить мир с Гитлером, который поддержит большинство британцев. Германия с помощью британцев нападет на Россию. Сталин наслаждался забавными и детальными комментариями Бивербрука, который был в своей лучшей форме как рассказчик»²⁵.

К этому моменту беседы, как отметил Бивербрук, «мы уже провели более восьми часов в разговоре со Сталиным. Он начал нам нравиться; любезный человек, имеющий привычку в возбуждении ходить по комнате, заложив руки за спину. Он много курит и практически никогда не проявляет нетерпения».

Положительное впечатление лорда Бивербрука о Сталине сохранилось и в последующем, оно находило отражение в его речах и выступлениях.

Подводя итоги встречи, Бивербрук пришел к заключению, что «план кампании, намеченный мистером Гарриманом и мной, был выполнен в точности. Не было никаких загвоздок. Его структура была простой:

Рассказ Сталина о его военном положении.

Минимизированный и сдержанный отчет о доступной помощи.

Щедрый и обильный список доступных поставок, с кульминацией их принятия с воодушевлением. Это было солнце после дождя»²⁶.

Бивербрук удостоился от своего американского коллеги Гарримана яркого комплимента: «Бивербрук был великим торговцем. Его личная искренность была крайне убедительной. Его гений никогда не работал столь эффективно».

Неформально-доверительная часть общения состоялась во время заключительного обеда в Кремле 1 октября 1941 г. Бивербрук подробно описал это событие в своих заметках. Согласно его записям, «вскоре после шести часов в среду, 1 октября, когда гости собрались на ужин в Кремле, Сталин прибыл в сопровождении Ворошилова

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid. List 48.

и Микояна. Он приближался по длинному коридору, и за ним следовали два его сподвижника. Это было, безусловно, драматическое появление»²⁷.

В дополнительных записях Бивербрук обратил внимание на порядок рассадки гостей. По его мнению, «в ночь ужина Гарриман, к сожалению, был поставлен в невыгодное положение и почти исключен из разговора по Сталиным. Это получилось потому, что рядом с Гарриманом сидел Молотов, который не говорил по-английски, в то время как Литвинов был помещен около меня.

К этому моменту система коммуникации через Литвинова достигла того, что я полагаю, было высоким уровнем эффективности»²⁸.

Особое внимание Бивербрука привлекло поведение Сталина за столом, в частности манера советского вождя пить и принимать пищу. По наблюдению гостя, Сталину отдельно подавали вино, стаканы, еду, он «пил много красного кавказского вина, которое наливал в стакан размером стакана для черри. Он постоянно добавлял в стакан вина из бутылки и вообще потреблял его много».

Бивербрук подчеркивал: «У меня создалось впечатление, что еда ему подавалась отдельно. Икра подавалась не из общей миски, как для всех остальных. Он ел ее своим ножом, и без хлеба и масла.

В это время я захотел попробовать его красное вино и сравнить, отличалось ли оно по качеству от нашего.

И я взял его бутылку и налил себе в стакан, но оно оказалось таким же»²⁹.

Затем всем остальным налили шампанского, но бутылки на столах не оставили. Там стояли другие вина.

Сталина обслуживали по-другому. Бутылку поставили перед ним. Он выпил ее практически всю, используя тот же самый стакан, из которого он пил красное вино.

На протяжении всего ужина он держал один стакан надетым на горлышко бутылки с шампанским».

Удостоился лорд Бивербрук и аудиенции в личных покоях советского руководителя: «После ужина, около полуночи, мы удалились в прекрасную гостиную, великолепно обставленную. Я спросил о мебели и получил ответ, что она принадлежала Николаю Первому.

Я сказал, что мне нравилось спать в огромной четырехспальной кровати и спросил, нравилось ли ему спать в таком дискомфорте.

²⁷ Ibid. The Moscow Narrative. Notes by Minister. 1st October: Beaverbrook. List 8.

²⁸ Ibid. Notes by Minister. Beaverbrook. List 58.

²⁹ Ibid. List 9.

Он сказал, что в эти трудные времена ложился спать в 4–6 часов утра. Он сказал, что спал до полудня и иногда до 2 часов дня.

После беседы в гостиной между генералом Измеем и Сталиным, когда Сталин настаивал, что теперь морской мощи для защиты Британии было недостаточно, настаивая на необходимости крупной британской армии и основывая свой аргумент на падении Франции, мы отправились в кино.

Сталин шел с согнутой спиной, заложив руки за спину, что было для него характерной позой».

Все время рядом со Сталиным был огромный охранник, «возможно, грузинский телохранитель»³⁰.

Личное впечатление о Сталине Бивербрук зафиксировал в своих записях так: «Его интерес к Черчиллю неутолим.

Его ненависть к Гитлеру кажется неподдельной.

Его доверие к американцам и Великобритании ограничено.

Его власть, по моему мнению, была абсолютной, и “узкие места” работали наиболее эффективно в истории»³¹.

О встрече со Сталиным Бивербрук вспоминал еще не раз, всегда — с глубоким уважением. Так, в черновой записи радиопередачи (часть которой вошла в его речь в Нью-Йорке 23 апреля 1942 г.) он обращается к своим впечатлениям о нем: «И затем в Кремль и к Сталину — лидеру, которому нравилось, когда его называли “премьер-министр”».

Это твердый человек, убежденный в своих взглядах и с широким пониманием оружия войны. Он полностью уверен в своем могуществе. Но он не высокомерный человек. От этого он далек. Никогда не было человека, имевшего такое влияние, облеченного такой ответственностью, который демонстрировал бы столь малое самосознание своей власти.

Он знает всё о снарядах, пушках, танках, самолетах и моторах. Он имеет твердые убеждения об использовании военной машины. Он убежден, что войну выиграет бензиновый мотор».

Далее Бивербрук сослался на приведенные выше слова Сталина в контексте роли США («страна, которая произведет больше всего моторов, выиграет войну»). И совет, данный Великобритании: не только увеличивать производство оружия, но и развивать боевой дух и применять это оружие в бою.

И лорд продолжал: «Как искренне я согласен со Сталиным. Нужно еще и еще раз повторять производящим нациям, что битва

³⁰ Ibid. List 11–12.

³¹ Ibid. List 13.

не может быть выиграна на заводах. Победа придет только на поле [сражения]. Равно как ее нельзя достигнуть без того, чтобы иметь людей, обученных для применения оружия, которое производят заводы, и достаточно решительных, чтобы побеждать, несмотря на то, насколько труден путь и насколько велики потери.

Надеюсь, я привел доводы в пользу веры Британии в Россию, и доверия, которые многие из нас испытываю к лидеру России. Задача сегодняшнего выступления состоит именно в том, чтобы объяснить отношение Британии к России»³².

После Московской конференции лорд Бивербрук развернул агитацию в Англии и США за открытие второго фронта в Европе.

1 октября 1941 г. был заключен «секретный протокол Московской конференции представителей США, СССР и Великобритании» о снабжении СССР на период с октября 1941 г. до конца июня 1942 г.

В целом в первый год войны Великобритания сделала всё возможное для выполнения своих обязательств по поставкам в СССР (американцы же не смогли их выполнить в силу необходимости перестраивать свою промышленность в авральном режиме после нападения Японии на США). Поэтому Московский протокол называют зачастую «британским». И во многом это было заслугой верного сподвижника У. Черчилля, человека неукротимой энергии лорда Бивербрука. Сам Бивербрук охарактеризовал итог конференции фразой «солнце после дождя».

References

Rzheshesky O.A. *Stalin i Churchill. Vstrechi. Besedy. Diskussii: dokumenty, kommentarii, 1941–1945* [Stalin and Churchill. Meetings. Conversations. Discussions: Documents, Comments, 1941–1945]. Moscow: Nauka, 2004. 564 p.

Поступила в редакцию
6 октября 2021 г.

³² Parliamentary archive. BBK/F/47/ List 5–7.